

Фильм Дмитрия Астрахана вызвал скандал на «Кинотавре»

КОНЕЦ ОЧЕРЕДНОЙ УТОПИИ

Недавняя газета,
— 1998, — 10 июля, — 7

Елена Стишова

ФЕСТИВАЛЬНАЯ тишь да гладь взорвалась скандальной конкурсной картиной «Контракт со смертью». Макабрический опус неразлучной парочки — Дмитрия Астрахана (режиссер) и Олега Данилова (сценарист) — довел публику до состояния легкого психоза. К третьей части двухчасового с гаком фильма в зале штормило, и чем кровавее была сцена, тем сильнее смех и аплодисменты. Финальные титры шли под крики: «Позор!» и «Браво!», а в перерыве в кулуарах бушевала стихийная дискуссия. Праведный гнев поборников «хорошего кино для всех» доминировал. Протагонисты фильма — а они имеются — затаились посрамленные. Кроме циников, убежденных, что скандал — лучший вид рекламы и всегда на пользу фестивалю и авторам фильма. Ирония судьбы в том, что даже мой отчет о премьере картины, которая лично мне

отвратительна прежде всего с этической точки зрения, тоже работает на ее рекламу. Глядишь, заинтригованный читатель соберется в кои-то веки пойти в кино, чтобы увидеть все своими глазами.

Что ж он увидит? Сюжет почисте невзоровского «Чистилища». Историю, от которой, как говорится, волосы стынут в жилах. Как один мерзавец, думский депутат и кандидат в президенты (Дмитрий Певцов), организовал подпольную фабрику по пересадке органов под видом Центра милосердия для бомжей и прочих изгоев общества. Операции проводит профессор-суперхирург (Андрей Мягков), слегка повредившийся на том, что его жену зарезал грабитель и она умерла на операционном столе: в банке донорских органов в этот момент не было необходимого для трансплантации. Негодяй депутат подловил обезумевшего от горя и морально не стойкого профессора и вырвал у него согласие мстить. Как? А просто: использовать социально опасных граждан как ма-

териал для трансплантации органов гражданам достойным. Ибо только на это они и годятся.

Словом, обыкновенный фашизм. Чтобы добить потрясенного зрителя, авторы вводят пару квазидокументальных эпизодов. Телеведущая ток-шоу «Прорыв» с помощью синхронного рейтинга общественного мнения плюс интервью на улицах доказывает как дважды два: общество вконец одичало и ждет только команды «фас!», чтобы вырвать какой-нибудь орган у ближнего...

Читатель уже понял, что речь идет об антиутопии, но, возможно, не совсем уловил мой пафос. Объясню: все дело в том, что антиутопия снята «под жизнь», в жанре мыльной оперы, — «народного кино», рассчитанного на внеэстетическое восприятие. В этом сознательная, просчитанная провокация. Ставка на то, чтобы запутать, завести публику и вызвать ажиотаж вокруг фильма, зависив тем самым его планку. Методом грубого нажима на инстинкты, на первую сигнальную систему.

Дмитрий Астрахан обрел репу-

тацию Великого Утешителя, следом один за другим хиты «Ты у меня одна» и «Все будет хорошо». Недавний телесериал «Зал ожидания» эту репутацию закрепил. В «Контракте со смертью» заступник униженных и оскорбленных вдруг решил: все, хватит гладить народ по головке, пора ему открыть всю правду и призвать к топору и огнестрельному оружию.

Кроме неожиданности, в таком повороте есть железная внутренняя логика.

Утопия и обещание рая на земле имеет свойство оборачиваться криминалом и массовым террором. Мы это проходили. По жизни. Астрахановская идеология утопии — социальной сказки продержалась каких-нибудь пять лет. Уговаривая — обещая: «Все будет хорошо», а потом раскололся и брякнул, что, если по правде, то все будет очень-очень плохо.

Чему верить? Вопрос сугубо риторический. На «Кинотавре» Дмитрия Астрахана нет: он заканчивает очередной фильм. Пресс-конференция по «Контракту со смертью» отменена. ■